

А. Лебедев

**История святых вселенских
соборов**

Выпуск 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
А11

А11 **А. Лебедев**
История святых вселенских соборов: Выпуск 2 / А. Лебедев – М.: Книга по Требованию, 2024. – 338 с.

ISBN 978-5-458-47832-8

Вселенские соборы - четвертый, пятый, шестой и седьмой.

ISBN 978-5-458-47832-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

МОНОФИЗИТСТВО И IV ВСЕЛЕНСКИЙ СОБОРЪ.

I. Константинопольскій соборъ 448 года.

Условія появленія монофизитскаго ученія.—Личность Евтихія.—Соборъ Константинопольскій 448 года: епископъ Евсевій и архіепископъ Флавіанъ;—первый, второй и третій вызовъ Евтихія;—разыскъ;—судъ надъ Евтихіемъ.—Признаки грядущихъ смутъ въ Церкви.

Пятый вѣкъ христіанской Церкви извѣстенъ особенною усиленною дѣятельностію въ борьбѣ съ еретиками. Въ этотъ вѣкъ почти одинъ за другимъ собраны были два вселенскихъ собора, третій и четвертый. Первый ведетъ борьбу и одерживаетъ побѣду надъ ересью несторіанскою, второй тоже ведетъ борьбу и торжествуетъ надъ ересью монофизитскою. Предметъ еретическаго заблужденія какъ въ несторіанствѣ, такъ и въ монофизитствѣ одинъ и тотъ-же, состоитъ въ неправильныхъ представленіяхъ о личности Богочеловѣка, Христа. Несторіанство подъ двумя естествами Христа—Божескимъ и чловѣческимъ, понимало какбы два лица во Христѣ: Божеское и чловѣческое. Несторіане не могли должнымъ образомъ понять единство личности Богочеловѣка. Напротивъ монофизиты,

въ видахъ охраненія этого единства личности Богочеловѣка, какое теряли несторіане, одному изъ естествъ въ Иисусѣ Христѣ—человѣческому не приписывали истинности и дѣйствительности, выводили его до призрочности. Они достигали въ представленіяхъ до единства личности Христа, но упускали изъ виду несліянность естествъ во Христѣ.

Первые слѣды монофизитства можно находить въ исторіи церковной вскорѣ послѣ собора III вселенскаго. Еще при жизни св. Кирилла Александрійскаго (ум. 444 г.), главнаго дѣятеля на соборѣ III вселенскомъ, уже встрѣчались люди съ монофизитскимъ образомъ воззрѣнія. Борьба съ несторіанствомъ въ Церкви была борьбою съ однимъ изъ утонченнѣйшихъ догматическихъ джеученій. Эту борьбу не всѣ могли вести съ одинаковымъ умѣньемъ и успѣхомъ. Недостаточно было одной ревности къ вѣрѣ, но требовалось и самое глубокое пониманіе вѣры; какъ скоро такого соединенія ревности съ просвѣщенною вѣрою не находилось у кого-либо, грозила опасность въ борьбѣ съ лжеученіемъ впасть въ новое лжеученіе. Такъ и было съ нѣкоторыми, хотя и ревностными, но перазсудительными борцами противъ несторіанства. Они знали, что несторіанство—ересь, и что Кириллъ Александрійскій есть лучшій выразитель православнаго ученія вопреки этой ереси, но къ сожалѣнію не совсѣмъ хорошо понимали ученіе этого послѣдняго. Кириллъ вскорѣ послѣ низверженія несторіанства жаловался, что появились люди, которые искажали и перетолковывали его ученіе. Эти-то люди и были раннѣйшими монофизитами, зерномъ дальнѣйшаго монофизитства. Кириллъ при одномъ случаѣ о такихъ говорилъ: „да заградятся уста тѣмъ, которые проповѣдуютъ или тождество, или сліяніе или смѣшеніе Слова Божія съ плотію; потому что есть люди, которые распространяютъ слухи въ народѣ, будгобы я подобнымъ образомъ и думаю и учу; тогда какъ наоборотъ: я даже сумасбродными считаю подобныхъ лицъ“ (Дѣян. Всел.

Соб. т. III, стр. 224) *). Другіе приписывали еще болѣе странныя мысли Кириллу. Такъ онъ говоритъ: „я узналъ, что нѣкоторые изъ тѣхъ, которые привыкли пустословить, жужжать подобно поленымъ осамъ и распространяютъ обо мнѣ вѣщныя слухи, будто я говорилъ, что тѣло Христово заимствовано не отъ Св. Дѣвы, а принесено съ неба“. Такихъ извратителей своего ученія Кириллъ называетъ „безразсудными“ (Дѣян. III, стр. 222). Эти-то воззрѣнія, появившіяся уже во времена Кирилла, и легли въ основу позднѣйшаго монофизитскаго ученія. Съ теченіемъ времени подобныя мысли не только не исчезали, но приобрѣтали все болѣе и болѣе кругъ послѣдователей. Блаженный Теодоритъ въ 447 году издаетъ сочиненіе, въ которомъ ведетъ рѣшительную борьбу съ воззрѣніями, родственными съ тѣми воззрѣніями, какія, какъ мы показали, осуждалъ еще Кириллъ. Теодоритъ показываетъ, что появились люди съ такимъ ученіемъ: „два естества было во Христѣ до соединенія, а соединившись они составили одно“; „воспринятое Сыномъ Божіимъ естество человѣческое, хотя не уничтожилось, но перемѣнилось въ существо Божественное“. Отсюда подобные учителя утверждали: „имѣя челоуѣка Христу не приличествуетъ, приличествуетъ Ему одно имя Бога, потому что, говорили, имя Богъ есть имя естества, а имя челоуѣкъ есть только указаніе на совершеніе нашего спасенія“. Когда въ земной жизни Іисуса Христа совершилось подобное объединеніе двухъ естествъ божескаго и челоуѣческаго, при чемъ осталось одно естество Божеское,—эти учителя такой вопросъ рѣшали не одинаково: одни, кажется, утверждали, что это совершилось „тогда же въ зачатіи Іисуса Христа“; другіе допускали, что „плоть Христова получила премѣненіе въ естество Бо-

*) Полная исторія монофизитства и IV вселенскаго собора изложена въ „Дѣяніяхъ вселенскихъ соборовъ“, томы III и IV. Переводъ. Казань. 1863. 1865 гг.

жественное уже послѣ воскресенія изъ мертвыхъ, потому что послѣ воскресенія плоть Христова сдѣлалась нестѣнна, безстрастна и безсмертна“. Изъ рассматриваемаго сочиненія Θεодорита ясно видно, что приводило въ некоторыхъ изъ христіанъ къ подобному образу воззрѣнія. Именно они въ свое оправданіе по Θεодориту говорили: „мы не утверждаемъ двухъ естествъ, дабы не ввести двухъ сыновъ въ ученіи о Христѣ. Поэтому мы думаемъ, что Божество осталось цѣлымъ, а человѣчество поглощено Божествомъ“ *). Это значитъ, что проповѣдники этого ученія усвоивали подобныя мысли, стараясь стоять какъ можно далѣе отъ несторіанства, которое вводило „двухъ сыновъ“, когда оно склонилось къ мысли, что два естества во Христѣ образуютъ собою два лица.

Ложнымъ мыслямъ о лицѣ Іисуса Христа, противъ которыхъ боролись Кириллъ и Θεодоритъ и которыя были совершенно отличны отъ несторіанства, не суждено было остаться въ скрытности и неизвѣстности. Эти ложныя мысли съ одной стороны достигаютъ очень широкаго распространенія, съ другой возбуждаютъ вниманіе всей Церкви. Это случилось съ тѣхъ поръ, какъ одинъ изъ архимандритовъ столичнаго города Константинополя Евтихій явился приверженцемъ подобныхъ мыслей и былъ уличенъ въ нихъ. До времени уличенія въ ереси, что было сдѣлано на соборѣ константинопольскомъ 448 года, Евтихій слылъ человѣкомъ хорошей жизни и строгихъ правилъ. Онъ посвятилъ себя монашеской подвижнической жизни съ самыхъ юныхъ лѣтъ (Дѣян. III, 184). Онъ достигъ уже глубокой старости, когда онъ обличенъ и осужденъ былъ какъ еретикъ. Его монастырь, въ которомъ онъ настоятельствовалъ, принадлежалъ къ самымъ многочисленнымъ монастырямъ: подъ его начальствомъ было до 300 монаховъ (Дѣян. III, 405). Настоятелемъ монасты-

*) Θεодорита. Разговоръ между еранистомъ и православнымъ. Христ. Чтеніе, 1846 г. томъ 2, стр. 363—4. 369—371. 375. 378. 382.

ря Евтихій былъ уже болѣе 30 лѣтъ (Дѣян. *ibid*). Онъ отличался ревностію въ устройствѣ своего монастыря (Дѣян. III, 406). Мѣстный константинопольскій архіепископъ, хорошо зная жизнь Евтихія, считалъ его человекомъ очень достойнымъ (Дѣян. III, 264). Онъ извѣстенъ былъ ревностію въ борьбѣ противъ лжеученія Несторія (Дѣян. III, 263. 185). Кириллъ Александрійскій ради этой ревности его, въ знакъ благодарности прислалъ Евтихію отдельный экземпляръ Дѣяній III Вселенскаго Собора (Дѣян. III, 186). Что касается до умственныхъ качествъ Евтихія, они были не особенно высоки. Евтихій ни въ чемъ не показываетъ, чтобъ онъ былъ достаточно образованъ, чтобъ онъ обладалъ силою мысли и умственнымъ развитіемъ, такъ что совершенно можно согласиться съ тѣмъ отзывомъ, какой дѣлаетъ въ этомъ отношеніи одинъ изъ современниковъ Евтихія. Именно папа Левъ великій находитъ въ Евтихія лишь одну „неосторожную простоту“ (Дѣян. III, 52). Не будетъ даже преувеличеніемъ сказать вмѣстѣ съ тѣмъже Львомъ, что Евтихій былъ „несмысленный старикъ“, что онъ отличался „несмыслиемъ“ (Дѣян. III, 47). Дальнѣйшій рассказъ объ Евтихія долженъ вполнѣ подтвердить подобное сужденіе объ этомъ ерестикѣ.

Обнаруженіе, обличеніе и осужденіе ереси Евтихіевой произошло на соборѣ Константинопольскомъ 448 года. Соборъ имѣлъ семь засѣданій *). Членами этого собора было до 32 епископовъ, по разнымъ обстоятельствамъ проживавшихъ въ столичномъ городѣ Константинополѣ, и нѣсколько архимандритовъ. Соборъ составилъ въ началѣ собственно по другому дѣлу церковному, не имѣющему отношенія къ ереси Евтихія. Вопросъ объ Евтихіи здѣсь поднялъ одинъ изъ присутствующихъ на соборѣ епископовъ, нѣкто Евсевій Дорилейскій **). Евсевій во-

*) 8, 12, 15, 16, 17, 20, 22 ноября.

**) Гор. Дорилея во Фригій въ Малой Азіи.

шелъ съ прошеніемъ на соборъ; въ этомъ прошеніи между прочимъ говорилось: „прикажите Евтихію архимандриту явиться на соборъ и защищаться въ томъ, въ чемъ я его обвиняю. Я готовъ обличить его, что онъ притворно носить имя православнаго; дабы, когда онъ будетъ обличенъ мною, исправились тѣ, которые были соращены Евтихіемъ“ (Дѣян. III, 206—7). Точно впрочемъ въ прошеніи не обозначалось, въ чемъ заключалось лжеученіе Евтихія. Предсѣдателемъ собора былъ архіепископъ константинопольскій Флавіанъ. Флавіанъ зналъ Евтихія, какъ человѣка почтеннаго, и потому сначала былъ удивленъ прошеціемъ Евсевія. И потому, а частію и по своей добротѣ душевной, онъ дружески совѣтовалъ Евсеію: пойдти въ монастырь къ Евтихію и побесѣдовать съ нимъ наединѣ, въ чаяніи, что Евтихій откажется отъ своихъ неправильныхъ мыслей, въ которыхъ онъ теперь обвинялся. Но это предложеніе Флавіана не было принято Евсеіемъ. Евсевій указывалъ на то, что онъ равнѣе былъ другомъ Евтихія, и какъ другъ, не разъ и не два увѣщевалъ его оставить заблужденія, но что Евтихій оставался и остается непреклоннымъ. Флавіанъ однакожъ и послѣ этого отказа Евсевія, не теряетъ надежды, что поднимавшееся дѣло кончится безъ большой огласки, а потому снова обращается къ Евсеію съ просьбою: сходить къ Евтихію, вразумить его и тѣмъ отстранить возможность смятенія въ Церкви въ случаѣ соборнаго разбирательства Евтихисвыхъ мнѣній. Остальные члены собора также присоединились къ этой просьбѣ Флавіана къ Евсеію. Но Евсевій остался непреклоннымъ въ своемъ рѣшеніи. Евсевій заявлялъ, что еще разъ отправиться къ Евтихію, это значитъ еще разъ заставить себя слышать хульные рѣчи этого еретика (Дѣян. III, 207—208). Соборъ долженъ былъ уступить настоятельному требованію Евсевія, приять обвиненіе и подвергнуть суду Евтихія, ибо всѣмъ хорошо была извѣстна дѣйствительная ревность Евсевія къ охраненію вѣры. Объ этой

ревности Евсевія Флавіанъ свидѣтельствовалъ самъ, когда такъ отзывался о немъ: „мнѣ извѣстна ревность обвинителя; самый огонь кажется ему холоднымъ по причинѣ ревности о благочестіи“ (Дѣян. III, 264).

Положено было отправить депутацію изъ двухъ клириковъ къ Евтихію для приглашенія его на соборъ. Депутатами назначены были пресвитеръ Іоаннъ и діаконъ Андрей. Исполнивши свое порученіе, эти депутаты донесли собору слѣдующее: мы вручили Евтихію обвинительный актъ, назвали ему обвинителя и приглашали его явиться на соборъ для оправданія; но Евтихій отказался явиться на соборъ. Онъ заявилъ, что не можетъ выйти изъ монастыря не нарушивъ своего обѣта, по которому онъ рѣшился никогда не покидать монастыря и „жить въ монастырѣ какбы во гробѣ“. При этомъ Евтихій заявилъ, что Евсейій возводитъ на него обвиненіе единственно по ненависти и враждѣ къ нему. Но, въ противорѣчіе съ этимъ заявленіемъ своимъ, Евтихій въ то же время предъ тѣмиже депутатами открыто высказалъ свое лжеученіе. Депутаты показывали, что Евтихій вотъ какія мысли раскрывалъ предъ ними: онъ утверждалъ, что онъ готовъ подписаться подъ опредѣленіями отцевъ собора Никейскаго (I вселеискаго) и Ефесскаго (III вселенскаго), но при этомъ замѣчалъ: „если же встрѣтятся въ ихъ словахъ что-нибудь ложное и погрѣшительное, этого хоть онъ и не отвергаетъ, но и не принимаетъ, утверждаясь на одномъ только св. писаніи, которое тверже всякихъ отеческихъ изложеній“. Далѣе Евтихій объяснялъ, что же именно въ этихъ отеческихъ изложеніяхъ онъ считаетъ за такое погрѣшительное и ложное. „Что Христосъ, говоритъ Евтихій, состоитъ изъ двухъ естествъ, соединившихся ипостасю, этого онъ не встрѣчалъ въ изложеніяхъ св. отцевъ и если случится ему у кого-либо вычитать что-либо подобное, онъ не приметъ этого; потому что св. писаніе превосходнѣе ученія отцевъ“. Евтихій не считалъ нужнымъ скрывать того, какъ онъ самъ понима-

еть истину о соединеніи во Христѣ двухъ естествъ. Оказывалось, что его личныя воззрѣнія были чисто еретическими. Онъ говорилъ: „послѣ воплощенія Бога Слова онъ покланяется *одному естеству*, естеству Бога воплотившагося и вочеловѣчшагося“, и прибавлялъ: „Родившійся отъ Маріи Дѣвы есть совершенный Богъ и совершенный челоѣкъ, *не имѣющій плоти единосущной намъ*“. Признаваясь въ этихъ мнѣніяхъ, прямо ложныхъ, Евтихій однакожь отвергалъ слухъ, будто онъ учитъ, что Богъ Слово принесъ съ собою плоть съ неба (Дѣян. III, 249. 251). Послѣ этого заявленія, сомнѣнія въ еретичествѣ Евтихія быть не могло. Архіепископъ Флавіанъ сказалъ: „пусть придетъ сюда Евтихій и сознаетъ свое заблужденіе. Если онъ придетъ сюда и изрыгнетъ прежнее свое нечестіе и приметъ истинную вѣру, то онъ можетъ надѣяться еще на прощеніе“ (Дѣян. III, 253—4).

Рѣшено было отправить вторую депутацію къ Евтихію для приглашенія его на соборъ. Посланые (пресвитеры Мама и Теофилъ) получили отъ собора посланіе для передачи Евтихію; въ немъ говорилось: „безъ всякаго отлагательства явись на соборъ; неблагоразумно говорить въ свое оправданіе, что ты рѣшился невыходить изъ монастыря, когда тебя обвиняютъ въ такихъ важныхъ вещахъ“ (Дѣян. III, 255). Вторая депутація, отправленная къ Евтихію, возвратившись, какъ и первая, доложила собору, что Евтихій отказывается прибыть на соборъ. Депутаты именно рассказывали слѣдующее: когда мы прибыли къ монастырю Евтихія, то встрѣтили въ воротахъ монастыря нѣкоторыхъ монаховъ и объявили имъ, что по порученію архіепископа Флавіана и собора они должны говорить съ архимандритомъ. Монахи отвѣчали: архимандритъ боленъ и не можетъ принять васъ къ себѣ; поэтому объясните намъ: зачѣмъ вы посланы. Но мы отказались сдѣлать это, говоря, что мы посланы къ самому архимандриту. Тогда они смутившись начали шептаться между собой и наконецъ отправились къ Евтихію. Вышедъ отъ него,

они и насъ привели къ нему. Мы передали ему письмо отъ собора, которое онъ въ нашемъ присутствіи прочелъ и сказалъ: „мое правило никогда невыходить изъ монастыря; одна смерть заставитъ меня выйти изъ него; притомъ же соборъ и архіепископъ знаютъ, что я старъ и хилъ. Пусть архіепископъ и соборъ дѣлаютъ со мной что угодно; и пусть не хлопчутъ болѣе о новомъ вызовѣ“. Онъ хотѣлъ, говорили депутаты, передать намъ какую-то написанную бумагу для представленія собору, но мы отказались, заявивъ, что если онъ имѣетъ что-либо сказать, то долженъ лично объяснить собору (Дѣян. III, 257—259). Впослѣдствіи снова переспрошенные эти депутаты еще прибавили къ этимъ показаніямъ нѣчто весьма важное для характеристики воззрѣній Евтихія. Евтихій, говорили они, хотѣлъ вступить съ нами въ преніе о вѣрѣ, и когда мы уклонялись отъ этого, онъ, въ присутствіи нѣкоторыхъ монаховъ, сказалъ: „гдѣ въ писаніи говорится о двухъ природахъ во Христѣ“? Одинъ изъ депутатовъ отвѣчалъ ему, что и слово: „единосущный“ (употребленное I вселенскимъ соборомъ для выраженія истиннаго отношенія Божества Сына къ Божеству Отца) также не находится въ священномъ писаніи. Евтихій на это замѣтилъ: „въ священномъ писаніи это слово не находится, а въ изложеніи св. отцовъ находится“. Въ отвѣтъ Евтихію одинъ изъ депутатовъ справедливо сказалъ: „какъ объ единосущіи не говорится въ св. писаніи, а изложено это ученіе отцами, такъ и о двухъ естествахъ ученіе изложили тѣже св. отцы“. Другой изъ депутатовъ предложилъ Евтихію такой вопросъ: „Слово совершенный Богъ или нѣтъ“? Евтихій сказалъ: „совершенный“. Тогда тотъ же депутатъ предложилъ еще вопросъ: „а воплотившійся совершенный ли человекъ или нѣтъ“? Евтихій опять отвѣчалъ: „совершенный“. Допрашивавшій Евтихія послѣ этого весьма справедливо замѣтилъ: „итакъ если Христосъ совершенный Богъ и совершенный человекъ и два совершенныхъ составляютъ единого Сына; то почему пе

говорить, что единый Сынъ состоитъ изъ двухъ естествъ? Евтихію слѣдовало бы при этомъ замѣчаніи доказать: почему и какъ двѣ совершенныя природы составляютъ одно естество, но вмѣсто того онъ завопилъ: „да не будетъ того, чтобы я говорилъ, что Христосъ состоитъ изъ двухъ естествъ. Если же хотятъ изложить меня, если хотятъ что-либо сдѣлать со мною, пусть дѣлаютъ. Ибо я въ этой вѣрѣ, какою исповѣдую, стою и желаю скончаться“ (Дѣян. III, 273—274). Не желая лично предстать на соборъ, Евтихій дѣлаетъ попытку вмѣсто себя отправить на соборъ одного дружественнаго съ нимъ архимандрита Авраамія, который вмѣсто него и долженъ былъ дать объясненія по возникшему дѣлу. Этотъ Авраамій, вмѣстѣ съ нѣкоторыми монахами явившись на соборъ, заявилъ о болѣзни Евтихія, который отъ печали не могъ спать цѣлую ночь. Затѣмъ Авраамій сказалъ, что Евтихій поручилъ ему сдѣлать отъ его, Евтихіева, лица, нѣкоторыя объясненія на соборѣ. Но этого не позволилъ сдѣлать предсѣдатель собора Флавіанъ. Онъ сказалъ: „какъ можно, спрашиваю тебя, когда обвиненъ одинъ, говорить за него другому“ *)? Къ этому Флавіанъ прибавилъ нѣсколько мягкихъ, успокоительныхъ словъ, изъ которыхъ посланный долженъ былъ убѣдиться, что Евтихію нечего бояться собора, что соборъ желаетъ добра, а не зла ему. Флавіанъ говорилъ: „пусть Евтихій придетъ сюда, онъ придетъ къ отцамъ и братьямъ, которые его знаютъ и доселѣ еще пребываютъ въ любви съ нимъ. Многіе слышали объ его заблужденіи и соблазняются и онъ долженъ оправдаться. Мы—люди; многіе изъ великихъ соблазнялись и увлекались, думая, что они правильно мудрствуютъ. Раскаяніе не приноситъ стыда, но стыдно упорствовать во грѣхѣ. Какъ червякъ

*) Чтобы понять эти слова Флавіана, нужно взять во вниманіе, что въ древней Церкви судъ церковный былъ словесный, гласный и потому давать объясненія по возникшему дѣлу должно было само обвиняемое лицо.